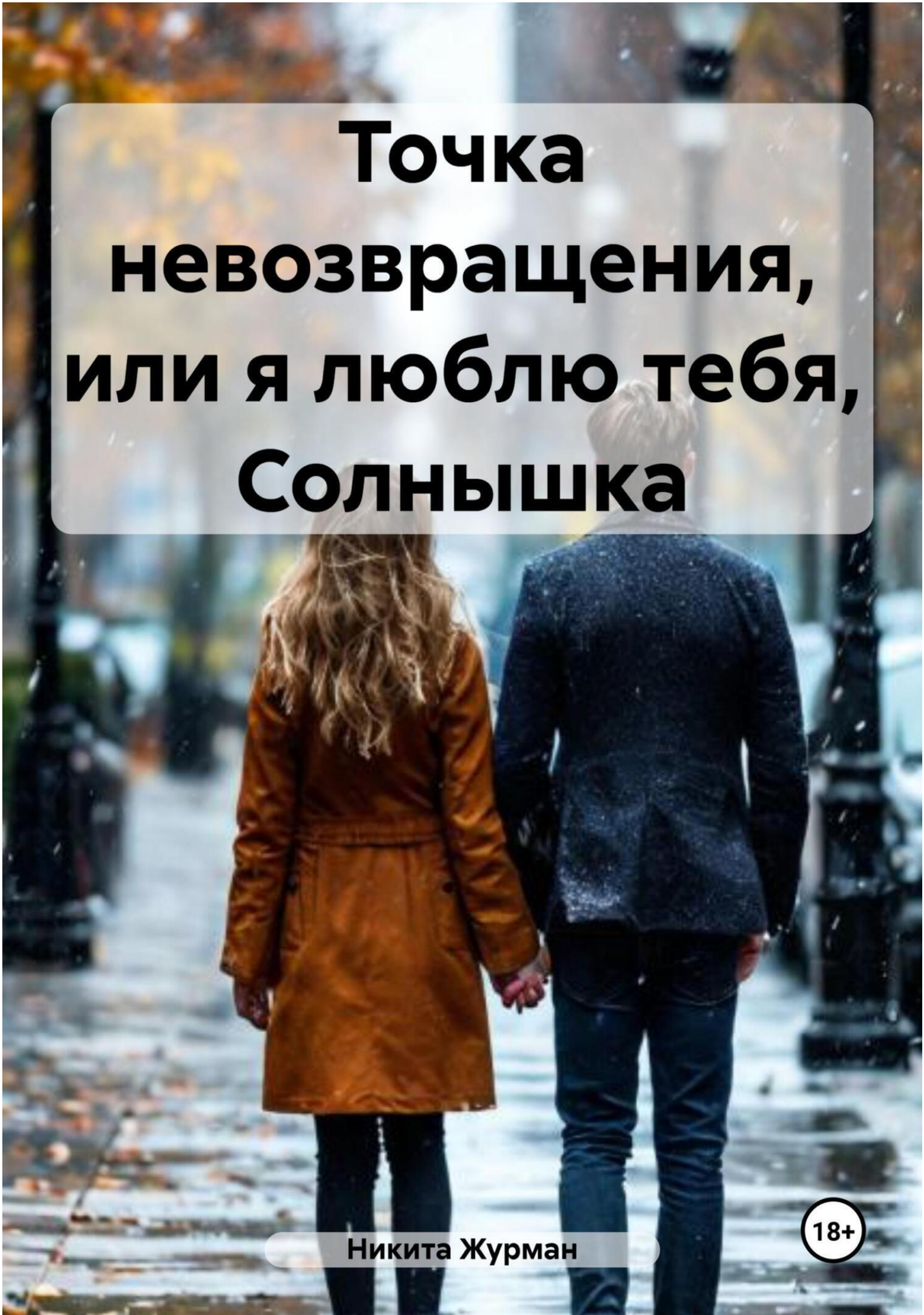

Точка невозвращения, или я люблю тебя, Солнышка
Никита Журман
18+

Никита Журман

Точка невозвращения, или я люблю тебя, Солнышка

«Автор»
2023

Журман Н.

Точка невозвращения, или я люблю тебя, Солнышка / Н. Журман — «Автор», 2023

История отношений, которые закончились дождем... История, которая могла бы случиться с каждым, кто работает в офисе. Где работа и жизнь переплетены, волокна нити. Их отношения, Никиты и Кати, завязались стремительно. Все было хорошо, но Никита всегда чувствовал присутствие кого-то третьего...

© Журман Н., 2023
© Автор, 2023

Никита Журман
Точка невозвращения, или я люблю тебя, Солнышка

Все не то…
И ненужные строки,
И усталый, задумчивый взгляд.
И надежды последние крохи
Затеряются… Кто виноват?
Одиноко, увы, одиночество,
А вокруг – никого, не зови.
А порой безнадежно так хочется
Светлой музыки, дружбы, любви…
А порой безнадежно так хочется…
Безнадежно, но кто виноват?
Одинокое одиночество
И усталый, насмешливый взгляд.

…Шел первый апрельский дождь. Его холодные капли жестко и часто барабанили по карнизу. Я стоял на балконе и вдыхал тот первый неповторимый аромат весны и свежести, аромат пробуждающийся от долгой спячки жизни и улыбался. Сотни маленьких водяных вампирчиков ежесекундно впивались в мое тело, сосредоточенно расплескиваясь маленькими лужицами на коже. В этом дожде было что-то очищающее, казалось, что он смывал следы каких-то давних ошибок и грязи, готовя город к чему-то новому и необычному. Дождь, как вселенский дворник, наводил порядок на планете.

Я вернулся в комнату. В доме было тепло. И грустно. Бывает такое чувство, когда знаешь, что все это что тебя окружает, то, что тебе дорого, скоро исчезнет. Понимаешь, что ничего не в силах изменить, что за тебя уже где-то там решили и тебе остается лишь переступить черту и все. Возврата назад не будет. И вот, пока ты на черте, у тебя есть иллюзия, что ты в силах, что- либо изменить. Шаг туда или обратно. У летчиков это называется, кажется, точкой невозвращения, когда топлива хватит либо вернуться, либо лететь дальше. И вот тогда пилоту нужно делать выбор. Свой я уже сделал. Пора.

Я подготовил все заранее. Записку (трюизм, но ведь как-то нужно сказать миру ПОЧЕМУ), лезвие и фотографию.

Я вошел в ванную комнату и плотно прикрыл дверь. В ванне было полно горячей воды. Капельки конденсата лениво ползли по полотну зеркала и затем стремительно обречено падали вниз на серый кафель пола.

Не раздеваясь, я так и плюхнулся в воду в одежде. Горячая влажная утроба ванной жадно притянула меня к себе и обняла, как сына. На душе сразу стало как- то спокойно.

Перед глазами стояла ее фотография. Длинные волосы нежно овивали тонкую и хрупкую шею и водопадом спадали на плечи. Ее большие глаза смотрели на меня укоряюще.

Помню, когда мы учились в Азиатско-Тихоокенской школе, у нас была пословица: "Мы встретимся, обязательно встретимся если не в этой жизни, то в следующей". Я подмигнул ей и сказал: – "Солныш, так надо. Если я не могу быть счастлив в этой жизни с тобою, то может в следующей мне повезет больше"…

Под водой я поднес лезвие к запястью руки. Улыбнулся и подумал: нда, все как в дешевой мыльной опере. Есть несчастная любовь, горемыка-герой и лезвие бритвы. Только вот горемыкой оказался я.

Венец творения российской брадобрейной промышленности – лезвие "Спутник"– полоснуло по запястью и отошло в сторону, потянув за собой маленький пульсирующий шлейф пурпура. Больно не было. Я переложил лезвие в другую руку и вновь опустил его на запястье.

Я свел руки вместе и на мгновение ужаснулся тому, что наделал. Кровь мощными толчками разливалась по воде, клубясь и изворачиваясь толстыми змейками. Постепенно вода в ванной стала приобретать красноватый цвет. Подумалось, вдруг, если в человеческом теле пять литров крови, то через сколько минут она у меня закончится. Хотелось спать. Я закрыл глаза.

Господи, прости меня, прости и пойми. Я ее люблю, люблю, люблю…

Прости и ты, Солнышка, за то, что я не смог тебя удержать, за мою всепоглощающую любовь, за то, что я когда-то сделал тебе больно, был к тебе невнимателен… Прости, что так редко дарил тебе цветы и обижался на тебя, прости. Прости за дважды испорченое 8 марта.

Прости и ты мама, что я был к тебе несправедлив порой. Прости, что не суждено тебе увидеть мою жену и баюкать внуков. Прости и поверь. Так нужно.

Господи, как я вас всех люблю… Солнышка, как ты там?… Конечно, люблю… Ребята, где последние отчеты?… Эх, ты, Солныш, любимый… Почему так темно?…Пушистик, ты меня любишь?…Ты где? Солнышка?

Стало как-то легко и светло. Я открыл глаза. Стены ванной комнаты излучали яркий свет, такой яркий, такой теплый и зовущий. Вот оно. Солнышка, за мной пришли. Я знаю, Катенок, в этой жизни нам не суждено быть вместе. Но ведь эта жизнь коротка. Я уйду, и буду ждать тебя там. Там где вечность и покой. Господи, ты мне это позволишь?…

Я летел, летел как стрела, по белому чистому светлому коридору. Куда? Бог его знает. Я не помню, как оказался в твоей кухне. Там были вы: ты и он. Пили чай и молчали. На плите шипела глазуньей сковорода.

– Солныш, – позвал я, даже не надеясь, что ты меня услышишь.

– А? Ты меня звал? – встрепенулась ты и обратилась к нему.

– Нет, – ответил он.

– Солнышка, – сказал я и легонько погладил тебя по голове, – я тебя люблю. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Я буду тебя ждать.

– А ты, – я щелкнул его по носу, от чего тот поморщился, словно от кислого лимона – ты должен сделать ее счастливой. Иначе мне придется вернуться и набить тебе морду.

– Все ребята, я вас люблю, прощайте.

Хлопнула вспышка, и я опять мчался по этому странному скоростному туннелю на встречу с Господом Богом. Я знал, что я ему скажу…

Владик, твой тогда непосредственный начальник по отделу импорта департамента торговли нашей компании, этакий добродушный увалень, лентяй и жуткий пивохлеб, постоянно забывающий, что нужно делать, ворвался в наш полутемный отдел, словно вихрь.

– Никитка, мля, я утром еду в Китай, отдай, плиз, чеки Катюхе, а то она завтра зарплату фиг получит,– выпалил он и стал тыкать мне в лицо пачкой чеков (надо сказать, что такое поведение для него вполне привычно, а вот мне к нему пришлось привыкать очень долго).

– Ладно, вали в свой Китай. Отдам я твои чеки. Должен будешь.

– Угу, – буркнул он и помчался собирать шмотки. Кстати, слово он свое сдержал и спустя месяц привез мне карманный фонарик.

На следующий день я заглянул к тебе. Ты тогда только устроилась на работу в нашу доблестную компанию, и я тебя почти не знал. Я тихо отворил дверь и вошел. В отделе стоял устойчивый запах мускуса.

– Вы Катерина? – то ли вопрошая, то ли утверждая, сказал я. Сидящая в кресле девушка в черной кожаной жилетке и тонкой почти прозрачной черной блузке испуганно подскочила:

– Да.

– Вам Владик попросил передать. Они необходимы для того, что бы Вы получили в кассе зарплату, – я протянул тебе чеки, и посмотрел в глаза. Господи, твои глаза, два больших лесных озера, были похожи на глаза испуганной лани, внезапно оказавшийся в час пик в центре города. Они буквально вопили о помощи.

– Спасибо, – сказала ты и улыбнулась. Немного растерянно.

…Так возникла наша хрупкая дружба. Очень быстро мы перешли на "ты". Я почти каждый день приходил к тебе в отдел, тащил самую большую шоколадку, что мог найти в ближайшем магазине. Мы пили чай, и я тебе рассказывал все о компании, о себе, о своем отделе. Я чувствовал, что нужен тебе, чувствовал на себе взгляд твоих больших внимательных зеленых глаз.

У меня есть одна очень забавная привычка, я для всех людей, с которыми знакомлюсь, пытаюсь найти образ. Эдакое клише. Для тебя у меня, почему-то, ничего не нашлось. Ты была похожа на солнечный зайчик, на вспышку света, на что-то стремительное и блистательное.

Очень скоро я понял, что ты мне нравишься, нравятся твои руки, глаза, губы, твой запах, то, как ты говоришь или молчишь.

Вечером ты приходила ко мне в отдел, и мы подолгу сидели и разговаривали. О жизни, о работе. О Владике.

Да, Владик, как я очень скоро понял, занимал в твоей душе почти все место. Ты любила его. Тебе он казался таким спокойным, добрым. Ты помнишь, как в институте девчонки, курсом постарше, шебетали о своем однокурснике: – "Владик, Владик". Он всем нравился. Наверное, своей видимой основательностью.

…Поначалу тебе было страшно работать в компании. О, еще как. Ты никому в этом не признавалась, даже мне. В первые же дни Владик, оставив на твое попечение весь отдел, радостно умчался в Поднебесную. Попросту говоря, кинул. Ты осталась один на один со своими страхами…

Потом были предновогодние праздники, вечеринка, слезы, горечь. Ты призналась ему в том, что любишь его. А он сказал, что ты его совсем не знаешь, он очень плохой. И он тебе не подходит. Ты плакала в тамбуре магазина, где проходила вечеринка, а я тебя успокаивал. Солнышка, говорил я, не стоит он того. Не плачь. А ты прижалась ко мне и плакала, плакала… Маленькие хрусталики слез катились по твоим щекам и падали на лацканы моего пиджака.

Тогда он тебе нравился, очень. Ты как-то втайне от него прочла его электронную переписку и очень обиделась, когда узнала из нее, что он называет тебя Слоненком.

Почему слоненок? Это была ассоциация далекого владикова детства. Помнишь, была такая мультяшная история про слоненка, у которого был такой забавный покатый носик. Слоненок был очень добродушным, но жутко любопытным. Он ходил и всех доставал своими наивными почему, зачем, как…

Как-то лесные звери не выдержали его столь явной тяги к знаниям и… В общем, согласно той сказке так у слонят и появился хобот.

Тот слоненок был чем-то похож на тебя.

– Какой же я слоненок? – кипятилась ты. Гнев настолько переполнял тебя, что даже мои увещевания не могли остановить тебя, и ты обрушила на него весь камнепад эмоций.

После этого вы не разговаривали месяц. Тебе это было неприятно. Ты понимала, что на самом деле поступила очень и очень некрасиво. Ты сильно и долго это переживала.

Конечно, потом вы помирились, были еще вечеринки, опять были объяснения, слезы. Однажды, правда, тебе даже удалось уговорить его, чтобы он проводил тебя домой. Это было поздним зимним вечером. Под ногами сухо скрипел снег. Вы шли вместе, переговариваясь о чем-то малозначительном, и курили. Я не знаю, что тогда тебя толкнуло на этот поступок, может расшалившиеся нервы или желание казаться в его глазах взрослой, ты попросила у него сигарету.

Я сейчас улыбаюсь, вспоминая тот случай. Опять была какая-то корпоративная вечеринка, и мы после нее шумной многоголосою толпой ворвались в твой дом. Хлопцы были пьяны и ненапряженны. Моментально соорудив стол из двух табуреток и невесть откуда взявшейся доски, мы блаженно раскинули вокруг свои тела. Пробыли у тебя часа два. Пили пиво и о чем-то бессмысленно разговаривали.

Владик все время был с нами. Помнишь, когда он захотел уйти, ты спрятала ключ от двери? Ты так хотела, чтобы он остался. Ваши желания были, однако, диаметрально противоположны. Он судорожно попытался открыть окно и совершить добровольный выброс своего пьяного тела за пределы квартиры. Это был красивый театральный жест.

Но…Я думаю, он бы этого не сделал, все-таки третий этаж, да и по натуре он отнють не сорвиголова. Вручив ему ключ, ты остановила этого кита-самоубийцу. Хлопнула дверь, и мы остались одни.

Но это было уже потом…

Даже спустя много месяцев, когда мы уже жили вместе, у тебя порой мелькали мысли о Владике. Однажды ты предложила нам втроем съездить к твоим родителям.

– Кхм, а спать где мы будем, – поинтересовался я.

– Ну, я дома, а вы на даче, – просто сказала ты.

Владика это холодная перспектива не обрадовала, и он благоразумно отказался от твоего радушия.

Когда я впервые обратил на тебя внимание как на девушку… на очень красивую девушку? Солныш, я думаю, это произошло два года назад, 25 декабря. Наш отдел тогда гулял в баре "Университет" и ты была моей приглашеной. Вечеринка закончилась поздно, и я предложил тебе переночевать у меня. Даже не знаю, почему ты согласилась. Я ведь был достаточно пьян.

Когда мы уходили, нарисовался Хоббит в обнимку с какой-то блондинистой кокеткой лет 30. Эдакий пухлый стропила из отдела иллюзий нашей компании. Пьяный, добрый и наглый. От его дамочки, которую он подснял здесь же в "Универе", невообразимо жутко воняло духами "Эсте Лаудер".

Она сидела с подружкой и хлебала дешевый коктейль, расстреливая пьяными глазками все местное мужское население. Одной из ее жертв и пал Хоббит.

Я был уже достаточно перегружен алкоголем, чтобы здраво соображать, и посему, имел глупость пригласить и их в свои покои.

У меня двухкомнатная квартирка, так что проблем с дислокацией тел вроде не было. Хоббита с великовозрастной блондинкой мы оставили в зале, а сами с тобой закрылись в спальне. Я показывал тебе свои стихи, нес какую-то романтическую ахинею, был агрессивен и напорист. Очень быстро я, смяв листочки своих стихов, попытался к тебе приставать. Солныш, прости меня за ту ночь, я не знаю какие усилия тебе пришлось приложить, чтобы меня утихомирить,

но скоро, я уже дрых без задних ног. А ты долго еще сидела на кровати напротив, смотрела на меня глазами испуганного лемуренка и молилась, чтобы быстрее наступило утро. Я думаю, в тут ночь ты так и не заснула.

Солнышка, помнишь, как мы впервые поцеловались? Вернее я тебя поцеловал. Это было у тебя дома год назад январской ночью в полночь. Ты сидела в кресле у окна, а я на полу. Было прохладно, и я жался к твоим ногам в поисках спасительного тепла.

В тот момент ты была едва ли похожа на земную девушку. Скорее на спящую красавицу. Из сказки. Лунный месяц, спрятавшийся в твоих волосах, казался сказочной диадемой. Ты была отрешенна и молчалива.

Я нежно касался своими пальцами твоих рук, скользя ими от кистей и плавно поднимаясь выше. Я гладил твою руку и удивлялся ее нежности. Я целовал ее. Постепенно, я поднимался все выше и выше, пока мои губы не оказались рядом с твоими.

Я так боялся разрушить эту сказку. Мне казалось, сделай я хоть одно резкое движение, и все… Все пропадет, треснет и рассыпется на сотни маленьких острых осколков. Я поцеловал тебя. Знаешь, Солнышка, я до сих пор помню тот первый мой робкий поцелуй. Я помню, как так же робко ты ответила на него. Я помню вкус твоих губ, твоей помады.

В ту ночь я ушел от тебя уже в третьем часу.

Что было потом? Потом мы встречались все чаще и чаще. Вечером ты заходила ко мне в отдел и я провожал тебя до дома. Помнишь, как мы дурачились на твоем не разложенном диване? Как целовались? Тебе тогда казалось, что я тебя целую слабо. Ты говорила: целуй меня крепче. Солнышка ты моя. Бессо ме мучо.

И я тебя целовал. Целовал так, что утром, идя на работу, ты старалась не улыбаться. Так было больно. Но по твоим глазам я видел, ты была счастлива.

Я все дольше стал задерживаться у тебя, пока однажды ты не сказала:

– Никит, останься. Пожалуйста.

И я остался. Мы лежали вместе, обнявшись, и я не мог поверить, что так случилось. Господи, думал я, неужели вот так оно и выглядит счастье? Ты, словно доверчивый маленький ребенок, прижалась ко мне и спала, нежно посапывая.

Тогда я старался не быть слишком навязчивым. Я провожал тебя до дома и шел к себе. Потом кто-нибудь, ты или я, звонили по телефону. И мы долгими часами разговаривали. О жизни, книгах, чувствах. Мы спорили и ругались. Дулись друг на друга и очень скоро остывали. И звонили друг другу вновь.

Помнишь, когда кончилась у тебя вода, я пригласил тебя к себе. Помыться. Получилось как-то вполне естественно, что, когда я зашел в ванную комнату и сел на бортик ванны, ты не смутилась. Хотя…

Именно тогда я и увидел тебя всю. Твое тело, твои редкие родинки, бедра, живот, твои груди. Мы разговаривали, а я, опустив руку в воду, тебя ласкал. Мои пальцы скользили по твоему телу, едва касаясь его. У тебя превосходное тело.

А потом. Потом был чай и просмотр моих фотографий. И опять разговоры, разговоры. Ты очень приятный собеседник, Солнышка. С тобой легко говорить на любую тему. О книгах, любви и ненависти, мультфильмах и жизни. Кстати, именно, тогда, Солныш, мы и поругались с тобой. Помнишь? Речь шла о морали. Ты говорила, что нельзя поступать аморально. Это грешно. А я тебе говорил, что сама суть человека грешна, что почти все наши поступки эгоистичны и аморальны. Мораль хороша тем, что она, как цемент, связывает общество, однако совершенно не пригодна в конкретных людских отношениях. Например, в любви. Мы долго с тобой спорили. Но так и не пришли единому мнению.

Как потом показало время, я оказался прав. Причем показало на нашем собственном примере. К сожалению.

А тогда… Тогда, Солныш, уже спустя полчаса мы барахтались в постели, ласкали друг друга и любили. Любили страстно, стремительно. Именно тогда наши тела познакомились.

Я был первым мужчиной в твоей жизни. Я помню, как ты испугалась и напряглась, когда я положил твою руку на свое тело. Я помню, удивление в твоих больших зеленых глазах, когда ты случайно коснулась рукой моего затылка. Я дернулся и застонал. Солнышка, затылок, это мое эрогенное место.

Я помню, как целовал твое тело, твои губы, глаза, груди. Я помню запах твоей кожи.

Где-то посреди ночи, устав, мы заснули, прижавшись друг к другу.

Потом ты еще несколько раз ночевала у меня. Я очень хорошо помню одно утро. Я встал пораньше, чтобы подарить тебе чудесный тортик со сливками. Накатила на меня с утра такая добрая блажь.

Шел жуткий дождь, я промок до нитки. Обежав весь город, я так и не нашел этого чуда кондитерской мысли.

Пришлось довольствоваться банальным фруктовым рулетом с полным набором эмульгаторов. Мы сидели, укутавшись в одеяло, и пили чай.

…Мы были немного авантюристами с тобой. Помнишь, снежным апрельским вечером мы, после работы, сорвались и поехали кататься на моем замученном жизнью и водителем "Лауреле" по городу. Шел снег. Мы ехали, и я тебе рассказывал о Сопке любви, возвышающейся над городом, месте, где вот уже много лет подряд встречаются все влюбленные. Посреди Михайловского шоссе я, заговорившись, не заметил огромной ямы, и машина рухнула в нее всеми колесами.

Удар. Несчастный "Лаурель" повело юзом. Мы испугались. Нам показалось, что мы разбили машину. Как оказалось, отделались легким испугом. Разбили только поддон картера. Чтобы добраться в тот вечер обратно домой, мне пришлось вылить в зев двигателя почти пятилитровую канистру масла.

Я подъехал к обочине и заглушил двигатель. Обнявшись, мы сидели и смотрели на радужные пятна фар проносившихся мимо автомобилей.

В машине было тепло. Так тепло, что мы даже разделись. Я перебирал твои волосы, целовал твои губы. А ты… Ты, расстегнув пуговицы у меня на рубашке, нежно гладила мою грудь…

Ты пообещала брату, который гостил у тебя, что будешь дома через полчаса после работы, но, на самом деле, там, на шоссе мы провели почти три часа. Три лучших часа нашей жизни, я думаю. Больше на то шоссе мы не возвращались. А жаль…

Солнышка, ты не представляешь, как мне было приятно, когда ты, уехав на выходные к родителям, вдруг позвонила мне. И сказала:

– Привет, Никитка.

Господи, как я был счастлив в тот день.

Мы жили уже вместе несколько месяцев. Строили планы на будущее, делали друг другу маленькие подарки. Однажды ты подарила мне два замечательных галстука. Я был так горд и счастлив этим.

…Знаешь, Солнышка, что мне нравилось делать больше все? Ну, кроме приставаний к тебе? Хочешь, скажу? Честно? Наводить порядок в доме…

…Наш дом. Конечно, он был твоим, Солнышка, но и чуть-чуть моим. Я его любил.

Мне нравилось мыть полы, пылесосить, протирать пыль. Помнишь, как по воскресеньям, когда ты приходила домой уставшая от затяжных походов по магазинам, я встречал тебя в несколько неестественной позе. Ползая на карачках, я самозабвенно драил пол. Мне это нравилось.

Мне было приятно, когда я пришел, по твоей просьбе, забрать шторы в пошивочную мастерскую, где их подшивали, меня назвали твоим мужем. Это была минутка такого блаженства. В груди вдруг запрыгал маленький, пушистый зайчик радости.

О чем я сожалею? Я так и не прикрутил новые колесики к креслам. Те старые пластмассовые отломились уже буквально на третий день после их установки. От них остались лишь металлические штыри, которые кромсали и мяли ковровое покрытие.

Я помню, как убил целое воскресенье на то, чтобы повесить гардину в зале. Поздно ночью, когда ты уставшая прилегла на кровать, я все еще лазил по стене. И сверлил, сверлил, сверлил… Был второй час ночи, ты уже сладко спала, когда я закончил. Боже, как я был горд собой, тем, что все получилось. Я смотрел на гардину и на тебя. Хотелось похвастаться, но ты…Ты так сладко спала, скинув одеяло и разбросав руки. Ты была так похожа на маленького рождественского ангелочка. Я подошел и поцеловал тебя.

А спустя десять минут, обняв тебя, я уже спал.

Мы были вместе, но ты тщательно скрывала от посторонних глаз наши отношения. Помнишь, как однажды рано утром кто-то позвонил в дверь. Не успел я опомниться и продрать очи, как в одночасье был смещен с кровати и спрятан в платяной шкаф. Под кучу пахнущих тобой платьев. Там я провел, наверное, минуты три. Три самых смешных, забавных минуты…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.